

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ КОД В «ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»: «БЭЛА»¹

С. В. Савинков, Е. В. Соколова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 апреля 2016 г.

Аннотация: отсылка к евангельскому претексту в финальной части «Бэлы» может рассматриваться в качестве своеобразного ключа не только к повести, но и к смыслу романа в целом. В отличие от Иисуса, не позволившего уличенную в прелюбодеянии женщину забросать камнями, Печорин сам оказывается в привычной для себя роли разрушительного камня. Присваивая то, что ему не принадлежит, ничем не жертвуя, он разрушает установленный миропорядок, не выстраивая никакого другого.

Ключевые слова: миропорядок, закон, преступление, прелюбодеяние, сделка, жертва.

Abstract: the reference to the Gospel pretext in the final part of "Bela" can be seen as a kind of key, not only for the story, but also to the sense of the novel as a whole. Unlike Jesus, who did not allow to throw stones at a woman caught in adultery, Pechorin finds himself in a familiar role of a devastating stone. By misappropriating what does not belong to him, sacrificing nothing, he destroys the established order of the world, without building any other.

Key-words: world order, law, crime, adultery, transaction, victim.

В финальной части «Бэлы» есть эпизод, требующий к себе особого внимания: повествование достигает в нем одновременно стадии кульминации, развязки и высшего уровня символизации за счет аллюзии на евангельский текст: «Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. Приложили зеркало к губам – гладко!.. Я вывел Печорина вон из комнаты, и мы пошли на крепостной вал; долго мы ходили взад и вперед рядом, не говоря ни слова, загнув руки на спину; его лицо ничего не выражало особенного, и мне стало досадно: я бы на его месте умер с горя. Наконец он сел на землю, в тени, и начал что-то чертить палочкой на песке. Я, знаете, больше для приличия хотел утешить его, начал говорить; он поднял голову и засмеялся... У меня мороз пробежал по коже от этого смеха... Я пошел заказывать гроб» [1, 237].

Поведение Печорина в этом эпизоде – своеобразное иконическое повторение поведения Христа: «...Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания» [ИН 8: 6]. Это место 8 главы Евангелия от Иоанна всегда являлось камнем преткновения для толкователей. На вопрос о том, зачем Иисус что-то писал на земле, когда его вопрошали недоброжелатели, обычно отвечают, следуя примеру ученого монаха XII века Евфимия Зигабена: «Так обыкновенно часто делают

те, которые не желают отвечать спрашивающим о чем-либо неуместном и неприличном. Зная лукавство их, Иисус Христос продолжал писать на земле и показывал вид, что Он не обращает внимания на то, что они говорили» [2]. А вот с ответом на вопрос о том, что писал Иисус на земле, когда его вопрошали недоброжелатели, дело обстоит значительно хуже. А. П. Лопухин – автор «Толковой Библии» – вышел из положения таким образом: «Что писал Иисус на земле – об этом рассуждать излишне, за отсутствием какой-либо фактической опоры для таких рассуждений» [3, 392].

Среди истолкователей этого места есть и те, кто акцентирует внимание на том, где (или, точнее, – на чем) производит Иисус свое начертание. К примеру, в докладе Вяч. Иванова «Евангельский смысл слова «земля»» (1909) представлена такая интерпретация интересующего нас места. Говоря о Земле как о центральной для христианства категории, Иванов находит в поведении Христа глубочайший символический смысл: Христос спасает от побития камнями не просто совершившую прелюбодеяние женщину-грешницу, а Землю, до времени пребывающую в подчинении у «князя мира сего» и потому не знающую еще о своем истинном Женихе. Поэтому производимое Христом начертание на земле есть, с точки зрения Вяч. Иванова, не что иное, как начертание Земле нового завета. Вяч. Иванову особенно важно сделать акцент на рельефности этого письма: «Погречески сказано показательно $\epsilon\upsilon\rho\alpha\phi\epsilon\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \gamma\eta\nu$ – вписал в Землю. Он вписал в Землю свой новый завет ей, начертал на ней знак своего обета, начертал знак свой на своей Невесте» [4, 149].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ № 15-04-00498 «Концептуальные основы современного лермонтоведения».

Существенно, однако, то, что в «Бэле» не «земля», а «песок», и это, как представляется, имеет прямое отношение к лермонтовским значениям и смыслам. Лермонтову для чего-то нужно было уверить читателя, что начертанные его «героем времени» знаки обязательно сотрут. Поэтому вопрос можно переформулировать так: как событие «стирания» может быть связано с идейно-тематическим планом «Бэлы»?

Если считать, что евангельская топка может рассматриваться в качестве своеобразного ключа к смыслу «Бэлы», нужно попытаться соотнести ситуативные контексты лермонтовского и библейского текстов. Напрямую это сделать не получается. В Евангелии говорится о том, что к Иисусу привели уличенную в прелюбодеянии женщину с провокационной целью вынудить Христа противопоставить себя закону. «Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле» [ИН 8: 8]. В результате Иисус пресек попытки обвинить его и спас от побиения камнями грешницу: не нашлось среди осуждавших того, кто был бы без греха.

Но какое отношение имеет все это к Лермонтову? Пожалуй, само понятие «прелюбодеяния» может стать отправным пунктом в поиске точек соприкосновения между евангельским и лермонтовским текстами. Прелюбодеяние сопряжено с нарушением правил, регулирующих кровнородственные и семейные отношения между мужем и женой, между отцом и сыном, между дочерью и отцом, между братьями и т. д. А ведь все это составляет одну из наиважнейших тем в творчестве Лермонтова. И в «Бэле» в концентрированном и лаконичном виде представлен полный набор составляющих ее компонентов.

Один из наиважнейших в творчестве Лермонтова сюжетобразующих мотивов – «сын, восстающий против своего отца» в «Бэле» лаконично заявлен по линии, связывающей между собой Азамата и его отца. Азамат, по сути, предает своего отца: он его обкрадывает и, в конечном счете, покидая, обрекает на смерть. Азамат дважды преступает закон: он присваивает себе чужую собственность и разрушает установленные традицией правовые отношения между отцом и сыном, согласно которым (как об этом говорится в драме «Menschen und Leidenschaften» (1830)) отец имеет неограниченные права над сыном и волен к нему относиться как к своей собственности. Такая абсолютизации отцовской власти, отцовского принципа («Отец обладает моей жизнью» [5, 168]) возводит у Лермонтова земного отца на ступень, едва ли не уравнивающую его с Отцом небесным.

Не менее фатально у Лермонтова складываются отношения и между отцами и дочерьми. Как прави-

ло, неразрешимый конфликт между ними возникает в результате противоборства двух противоположных устремлений: стремления дочери вырваться из-под власти отца и принадлежать другому и стремления отца во что бы то ни стало сохранить свою дочь для себя. Особенно развернуто такие коллизии и перипетии представлены в ранних поэмах, к примеру, в «Кавказском пленнике», «Хаджи Абреке», «Измаиле-Бее».

В лермонтовском изводе кавказский пленник будет убит разгневанным отцом черноокой девы. Однако, убив русского, старый черкес станет невольным убийцей и собственной дочери. Отправной сюжетной точкой «Хаджи Абрека» станет призыв престарелого отца вернуть ему сбежавшую от него дочь – главную святыню его жизни: «Ее хранил я, как святыню; Все, что имел я, было в ней» [6, 269]. На вопрос Хаджи Абрека (отцовского посланника и мстителя) о том, помнит ли дочь об отце, Леила ответит, почти дословно повторяя слова, с помощью которых героиня поэмы «Измаил-Бей» Зара попытается удержать возле себя Измаила-Бея и отклонить его от пути к отчизне: «Отечества для сердца нет!»

И для Леилы, и для Зары возможность обретения иного пристанища (в любви, в собственном сердце) будет сопряжена с необходимостью забвения отца и отчизны. Но, как это у Лермонтова всегда и бывает, забвение карается.

С учетом этого лермонтовского контекста и в нанесенном Бэле смертоносном ударе может быть усмотрен акт мести, постигнувшей преступную дочь за ее любовь к другому и за ее короткую память. При таком взгляде изменится и смысловой абрис фигуры Казбича: он будет выглядеть не вороватым разбойником, а, как и Хаджи Абрек, расставляющим все по своим местам орудием возмездия.

И, конечно, сама центральная для «Бэлы» ситуация обмена девицы на коня имеет для «кавказских» героев Лермонтова судьбоносное значение, которое словами «черкесской песни» выразит сначала «неведомый пришлец» из поэмы «Измаил Бей», а затем – в «Бэле» – ее вариацию исполнит Казбич. Призывая молодца вместо жены купить коня, народная песня представит два мудрых довода в пользу такого решения. Первый будет основан на убеждении, что жена – преграда на пути к воинской славе («Кто жениться захотел, Тот худой избрал удел, С русским в бой он не поскачет; Отчего? – жена заплачет!»); второй – что конь, в отличие от жены, никогда не изменит («Не изменит добрый конь: С ним – и в воду и в огонь» [6, 183]).

В «Бэле» традиционный мотив «девица за коня» испытывает у Лермонтова особое преломление. Две основные линии мотива – любовь Печорина к Бэле и страсть Азамата к лошади Казбича – переkreщиваются, и конь оказывается той монетой, которой оплачивается похищение краса-

вицы: конь здесь отдается «за девицу». Эта отдача обрамляется двумя сделками: несостоявшейся сделкой – Азамата с Казбичем – и состоявшейся – Печорина с Азаматом

За коня Азамат будет предлагать Казбичу все, что, с точки зрения горца, представляет для джигита высшую (равную золоту) ценность – отцовские винтовку и шашку. Заметим, что Азамату нужен именно Карагез – и потому, что он лучший среди всех, и потому, что он для Азамата больше чем конь. Максим Максимыч так и скажет: «Азамат бледнеет и сохнет, как бывает от любви в романах-с» [1, 216]; и прямо сравнивает лошадь Казбича с Бэлой: «И точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаром ему (Казбичу. – С. С.) завидовали все наездники, и не раз пытались ее украсть, только не удавалось. Как теперь гляжу на эту лошадь: вороная, как смоль, ноги-струнки, и глаза не хуже, чем у Бэлы» [1, 211]. В архетипической перспективе «овладеть конем» означает совершить акт инициации, обретения мужественности (согласно черкесскому обычаю, к примеру, в день свадьбы было принято дарить жениху коня). Страстное желание Азамата приобщиться к мужскому сообществу сначала будет подвергнуто осмеянию со стороны Казбича: «Поди прочь, безумный мальчишка! Где тебе ездить на моем коне?..» [1, 215]; а затем использовано в своих целях Печориным, подговаривающим Азамата похитить сестру: «Не хочешь? Ну, как хочешь! Я думал, что ты мужчина, а ты еще ребенок: рано тебе ездить верхом...» [1, 216].

Последняя реплика Печорина скрыто содержит в себе намек на мужескую недостаточность Азамата и в другом смысле. Вдохновенный монолог Азамата о Карагезе – монолог не только мечтающего о славе, но и переполненного любовным томлением юноши: «В первый раз, как я увидел твоего коня... в моей душе сделалось что-то непонятное, и с тех пор на лучших скакунов моего отца смотрел я с презрением... и тоска овладела мной; и, тоскуя, просиживал я на утесе целые дни, и ежеминутно мыслям моим являлся вороной скакун твой с своей стройной поступью, с своим гладким, как стрела хребтом... Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его!» [1, 213–214].

Сделка Печорина с Азаматом имеет принципиально иную конфигурацию. Конь, на которого Печорин предлагает Азамату обменять Бэлу, не есть его собственность. Точно так же, как Бэла, которую Азамат меняет на коня, не есть его собственность. И Печорин, и Азамат совершают сделку и обмениваются ценностями, которые им не принадлежат. В страдательном положении оказываются владельцы – Казбич, владелец коня, и отец, владелец Бэлы.

Азамат, захватывая чужую собственность, лошадь Казбича (по сути, замещающую ему жену), в определенном смысле совершает акт прелюбоде-

яния. Печорин добывается Бэлы и тоже присваивает себе то, что ему не принадлежит.

Правда, при таком общем знаменателе между Печориным и Азаматом есть существенное различие. Поступок Азамата противозаконен, но он вписывается в миропорядок его отчизны: за совершенное им преступление его ждет возмездие. В устройении «кавказского» миропорядка обладание оказывается невозможным без отдачи, которая может иметь форму платы или, как в случае с Азаматом, расплаты: за противозаконное обладание конем он должен поплатиться отцом, отчизной, сестрой и, в конечном счете, собственной жизнью.

Заметим, что положение Иисуса и положение Печорина по форме конгруэнтны друг другу. И Печорин, и Иисус, каждый по-своему, не вписываются в установленный миропорядок. Но именно эта невписанность и дает им возможность изменить его. Иисусу сделать так, чтобы книжники и фарисеи, собравшиеся забить грешницу камнями, усомнились в своем судейском праве, а Печорину – привнести в чужой для него жизненный уклад идею безнаказанного и безответственного своеволия. Присваивая то, что ему не принадлежит, и ничем при этом не жертвуя, он разрушает установленный миропорядок, не выстраивая никакого другого. У Лермонтова обладание без жертвоприношения не может быть истинным, а потому оно либо случайно (ср. определение, данное Лермонтовым своему поколению: «И ненавидим мы, и любим мы случайно, Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви» [7, 113–114]), либо «на время».

Обращение к евангельскому контексту позволяет увидеть в Печорине пародию на Христа, а обращение к лермонтовскому – пародию на Демона. Демон, как и Печорин, не вписываясь в установленный миропорядок, обольщает не ему, а Богу принадлежащую Тамару, но не случайно и не «на время», а для того, чтобы с ее помощью создать свою собственную вечность и свой собственный рай. Поэтому и «смертоносность» Демона – иного рода, чем Печорина. Демон губит Тамару потому, что так и не смог преодолеть в себе свою демоническую природу; Печорин губит Бэлу потому, что, не успев полюбить, разлюбил тотчас. Неутешительный вывод его провалившегося эксперимента: «Любовь дикарки многим лучше любви знатной барыни... мне с нею скучно» [1, 232]. И хотя несмотря на это, он – если верить его слову – мог бы отдать за Бэлу жизнь, такая его готовность не может рассматриваться в качестве действительной жертвы. Все дело в том, что «герой времени» не может расплатиться своей жизнью: он ей не дорожит.

Письмена, которые Иисус чертит на земле, при любом толковании – и том случае, если они закрепляются (как считал Вяч. Иванов), и в том случае, если они стираются, – все равно являются знаками установления нового завета. А вот начертание Пе-

чорина должно стереться, и это – выражение постигнутой его абсолютной безнадежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лермонтов М. Ю. Сочинения : В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. – М.; Л., 1954–1957. – Т. 6.

2. Евфимий Зигабен (монах). Толкование Евангелия от Иоанна, составленные по древним святоотеческим толкованиям византийским, XII века ученым монахом Евфимием Зигабеном / Евфимий Зигабен // Православная библиотека «Золотой корабль». – URL: http://www.goldenship.ru/knigi/9/zigaben_tolkovanie_neoi.htm (дата обращения: 02.02. 2016).

3. Лопухин А. П. Толковая библия, или комментарий на все книги Св. Писания на все книги Ветхого и Нового завета / А. П. Лопухин. – Стокгольм, 1987. – Т. 3.

4. Иванов Вяч. Доклад «Евангельский смысл слова «земля»»; Письма; Автобиография (1926) / Вяч. Иванов // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. – СПб., 1994. – С. 142–170.

5. Лермонтов М. Ю. Сочинения : В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. – М.; Л., 1954–1957. – Т. 5.

6. Лермонтов М. Ю. Сочинения : В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. – М.; Л., 1954–1957. – Т. 3.

7. Лермонтов М. Ю. Сочинения : В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. – М.; Л., 1954–1957. – Т. 2.

Воронежский государственный университет

Савинков С. В., профессор кафедры истории журналистики и литературы

Voronezh State University

Savinkov S.V., Professor of the History of Journalism and Literature Department

Воронежский государственный педагогический университет

Соколова Е. В., старший преподаватель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

Voronezh State Pedagogical University

Sokolova E.V., Senior Lecturer of the Theory, History and Technique to Teach Russian Language and Literature Department